

ЛИ ЧАЙЛД

ЛИ ЧАЙЛД

Джек Ричер,
ИЛИ Средство
убеждения

МОСКВА
2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ч-15

Lee Child
PERSUADER

Copyright © 2008 by Lee Child
This edition published by arrangement with Darley Anderson
Literary, TV & Film Agency and The Van Lear Agency

Разработка серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Чайлд, Ли.

Ч-15 Джек Ричер, или Средство убеждения / Ли Чайлд ; [пер. с англ. С. М. Саксина]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 544 с. — (Кинопремьера мирового масштаба).

ISBN 978-5-699-89013-2

Случайно встретив на улице человека по имени Куин, бывший военный полицейский Джек Ричер не верит своим глазам, ведь десять лет назад он собственноручно казнил негодяя. Как же тому удалось выжить? Чтобы добраться до своего врага, Ричер соглашается помочь двум федеральным агентам вызволить из беды их сотрудницу, работавшую под прикрытием у наркоторговца Захарии Бека, тесно связанного с Куином. Вместе с федералами Ричер разрабатывает легенду, позволяющую ему проникнуть в дом Бека и войти к нему в доверие.

Ли Чайлд — один из лучших современных авторов, работающих в жанре детектива-экшен. Его герой Джек Ричер стал поистине культовой фигурой, воплощением неслышимого героя-детектива.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

- © Саксин С.М., перевод на русский язык, 2015
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89013-2

Глава

01

Полицейский выбрался из своей машины ровно за четыре минуты до того, как был убит. Он двигался так, словно наперед знал свою судьбу. С трудом открыв дверь, полицейский медленно развернулся на протертом кожзаменителе сиденья и поставил обе ноги на асфальт. Затем ухватился руками за дверной проем и грузно поднялся. Постояв мгновение на прохладном, свежем воздухе, полицейский повернулся и захлопнул дверь. Постоял еще немного. Потом шагнул вперед и облокотился на капот у фары.

У него был семилетний «шевроле каприс». Черный, без каких-либо указаний на принадлежность к полиции. Но над крышей торчали три антенны, а на колесах сверкали хромированные колпаки. Большинство полицейских клянутся и божатся, что лучше «каприса» полицейской машины нет. И этот тип, казалось, придерживался того же мнения. Он был похож на ветерана, вольного выбирать себе любой агрегат с двигателем и на колесах. И на этом древнем «шевви» он ездил потому, что ему так нравилось. Потому что новые «форды» его не интересовали. По его манере держаться было видно, что это упрямый любитель старины.

Широкоплечий, плотный, в простом темном костюме из плотной шерсти. Высокорослый, но сутулый. В летах. Покрутив головой, полицейский посмотрел вдоль шоссе на север и на юг, а затем, вытянув тощую шею, оглянулся на ворота колледжа. От меня до него было ярдов тридцать.

Ворота колледжа представляли собой чистую формальность, предназначенную исключительно для церемоний. Из обширной ухоженной лужайки за дорогой просто поднимались два высоких кирпичных столба. Столбы соединяли высокие двустворчатые ворота, сделанные из согнутых и переплетенных в причудливые формы стальных прутьев. Ворота сверкали черной краской. Казалось, их покрасили только что. Вероятно, их красили после каждой зимы. Но они не осуществляли никакой охранной функции. Кто хотел, мог проехать мимо ворот прямо через лужайку. Впрочем, ворота все равно были открыты. За воротами начиналась дорожка, по обе стороны которой в восьми футах от столбов стояли маленькие чугунные кнехты с защелками. К кнехтам были прикреплены створки ворот, распахнутые настежь. Дорожка вела к горстке невысоких кирпичных строений, до которых было ярдов сто. Остроконечные крыши были покрыты мхом, строения терялись в тени деревьев. Дорожка тоже была обсажена деревьями. Деревья росли повсюду. Листья только начинали распускаться. Они были крошечные, скрученные и ярко-зеленые. Шесть месяцев спустя они станут большими, золотистыми и красными, и здесь все будет кишеть фотографами, спешащими увековечить пейзаж для рекламных проспектов колледжа.

В двадцати ярдах за полицейским и его машиной у ворот на противоположной стороне дороги стоял

пикап. Стоял у самой обочины, передом ко мне, ярдах в пятидесяти. Пикап здесь казался не к месту. Выцветшего красного цвета, с могучим кенгурятником на бампере. Тусклый черный кенгурятник, похоже, несколько раз гнули, а затем выпрямляли. В кабине фургона сидели двое. Молодые, высокие, чисто выбритые, светловолосые. Они сидели совершенно неподвижно, уставившись прямо перед собой, никуда не глядя. Парни не смотрели на полицейского. Не смотрели на меня.

Я собирался ехать на юг. У меня был непримечательный коричневатый фургон. Я поставил его перед музыкальным магазинчиком. Магазинчик был из тех, какие можно встретить у ворот колледжа. На стеллажах, выставленных на тротуар, лежали подержанные компакт-диски; в витринах красовались плакаты групп, о которых никто не слышал. Задние двери фургона были открыты. В салоне лежали коробки. В руках я держал ворох бумаг. Я был в плаще, потому что стояло прохладное апрельское утро. Я был в перчатках, потому что разорванные коробки оцетинились выпавшими скрепками. Я был при оружии, потому что частенько ношу с собой пистолет. Он был засунут за пояс сзади, под плащом. Кольт «анаконда», большой револьвер из нержавеющей стали под патрон 44-го калибра «магнум». Револьвер имел в длину тринадцать с половиной дюймов и весил почти четыре фунта. Оружие как раз по мне. Он был твердый, тяжелый и холодный, и я постоянно его чувствовал.

Услышав, как завелся двигатель пикапа, я оторвался от бумаг. Машина не тронулась с места. Она стояла неподвижно, а двигатель работал на холостых оборотах. Между задними колесами вился белыми колечками выхлопной дым. Воздух был холодным. В этот ранний

час улица оставалась пустынной. Обойдя свой фургон, я взглянул за музыкальный магазинчик в сторону зданий колледжа. Увидел перед одним из них черный «линкольн таун кар». Рядом с машиной стояли двое. От меня до них было ярдов сто, но ни один из них не выглядел как водитель. Водители лимузинов не ходят парами, не бывают молодыми и мускулистыми, не ведут себя настороженно. Эти ребята определенно были телохранителями.

Здание, перед которым стоял «линкольн», вероятно, было чем-то вроде общежития. Над массивной деревянной дверью надпись по-гречески. У меня на глазах дверь распахнулась и появился очень худой парень. Судя по всему, студент. У него были длинные спутанные волосы, одет он был как бездомный бродяга, но в руке держал портфель из дорогой блестящей кожи. Один из телохранителей вытянулся в струнку, а другой открыл заднюю дверь лимузина. Бросив портфель на сиденье, парень скользнул в машину. Телохранители задержались, оглядываясь по сторонам, а затем сели вперед, и лимузин тронулся. Следом за ним медленно потащился автомобиль службы охраны колледжа — держась на расстоянии тридцати ярдов, вроде бы и не сопровождающий лимузин, а просто случайно оказавшийся рядом. В машине сидели, развалившись, двое полицейских. Замученные бездельем, умирающие от скуки.

Сняв перчатки, я бросил их в кузов фургона. Шагнул на дорогу, чтобы было лучше видно. «Линкольн» неторопливо приближался. Черный, сверкающий, безукоризненный. Обилие хрома. Обилие полировки. Машина с охранниками колледжа держалась позади. Проехав в церемониальные ворота, лимузин повернул налево

и поехал на юг, в направлении черного полицейского «каприса». В направлении меня.

То, что произошло дальше, заняло восемь секунд, однако показалось мне одним мгновением.

Блеклый красный пикап оторвался от обочины. Резко набрал скорость. Нагнал «линкольн» как раз тогда, когда тот поравнялся с «каприсом». Проехал в футе от коленей полицейского. Затем чуть вырвался вперед, водитель выкрутил руль, и кенгурятник углом врезался в передний бампер «линкольна». Водитель пикапа продолжал крутить руль, выталкивая лимузин на обочину. Съехав на газон, «линкольн» сбавил скорость и налетел на дерево. Послышался треск гнущегося и разрывающегося металла, разлетелось вдребезги стекло фары, над капотом поднялось облако белого пара, и маленькие зеленые листочки на дереве шумно затрепетали в неподвижном утреннем воздухе.

Тут двое из пикапа начали стрелять. У них были черные пистолеты-пулеметы, и они стреляли по «линкольну». Грохот стоял оглушительный; на черную крышу лимузина хлынул дождь латунных гильз. Затем нападавшие бросились к дверям «линкольна». Распахнули их. Один, нагнувшись, нырнул в салон и вытащил паренька. Другой продолжал стрелять по передним сиденьям. Потом сунул левую руку в карман и достал гранату. Швырнул ее в машину, захлопнул двери и, схватив своего дружка и паренька за плечи, заставил их пригнуться. В салоне «линкольна» сверкнула яркая вспышка. Прогремел взрыв. Все шесть окон разбились вдребезги. Я был больше чем в двадцати ярдах и все равно ощутил удар взрывной волны. Повсюду разлетелись осколки стекла, заискрившиеся на солнце тысячами радуг. Затем тот, кто бросил гранату, подбежал к пра-

вой двери пикапа, а другой, запихнув в кабину паренька, торопливо влез следом за ним. Двери захлопнулись, и паренек оказался зажат на переднем сиденье. Его лицо исказилось от ужаса. Стало белым как полотно. Даже через грязное лобовое стекло я увидел, как рот паренька раскрылся в немом крике. Водитель включил передачу, взревел двигатель, и пикап, визжа шинами, понесся прямо на меня.

Это была «тойота». Я успел разглядеть на решетке за кенгурятником буквы «TOYOTA». Подвеска была высокой, и мне был виден большой черный дифференциал переднего моста. Размером с футбольный мяч. Полноприводная машина. Большие широкие шины. Поблекшая, облупившаяся краска, которую не мыли с тех пор, как машина покинула завод. Она неслась прямо на меня.

У меня было меньше секунды на размышления.

Откинув полу плаща, я выхватил кольт. Тщательно прицелился и выстрелил в радиатор «тойоты». Большой револьвер с ревом дернулся у меня в руке. Массивная пуля 44-го калибра разнесла радиатор. Я выстрелил второй раз, в левую переднюю шину. Покрышка разорвалась в клочья черной резины. Во все стороны разлетелись ярды лопнувшего корда. Пикап пошел юзом и остановился водителем дверью ко мне. В десяти ярдах. Пригнувшись за свой фургон, я захлопнул задние двери, высунулся на тротуар и выстрелил в левую заднюю шину. Тот же результат. Повсюду резина. Накрепившись, пикап осел на ободья. Распахнув свою дверь, водитель выскочил на асфальт и упал на колено. Пистолет у него был не в той руке. Я выждал, чтобы быть уверенным в том, что он действительно целится в меня. Затем обхватил левой рукой правое запястье, надежно удерживая четыре фунта колта, прицелился в центр

массы, как меня учили давным-давно, и нажал на спусковой крючок. Грудь нападавшего взорвалась большим кровавым облаком. Тощий паренек сидел в машине. Он в ужасе уставился на меня. Но второй тип выскочил из машины и стал обегать капот, наводя на меня оружие. Повернувшись влево, я выждал миг и прицелился ему в грудь. Выстрелил. Тот же результат. Нападавший отлетел спиной на бампер в облаке красного тумана.

Наконец парень зашевелился. Бросившись к нему, я вытащил его из кабины прямо через труп первого нападавшего. Побежал к фургону, увлекая паренька за собой. От шока и смятения его движения были заторможенными. Запихнув паренька в кабину, я захлопнул за ним дверь и поспешил за руль. Краем глаза увидел, как ко мне приближается кто-то третий. Засовывает руку в карман. Высокий широкоплечий тип в темном костюме. Опустив колыг, я выстрелил. Ярко-алый цветок разорвался у него на груди в тот самый миг, когда я понял, что это ветеран-полицейский из «каприса» и он лез в карман за своим значком. Полицейский значок, золотой щит в потрепанном кожаном футляре, вывалился у него из руки и, ударившись о бордюрный камень, упал на асфальт прямо перед фургоном.

Время застыло.

Я не мог оторвать взгляд от полицейского. Он лежал на спине на обочине. Вся его грудь превратилась в сплошное красное месиво. Кровь была повсюду. Грудь не вздымалась и не опускалась. Никаких признаков сердцебиения. На рубашке зияла рваная дыра. Полицейский лежал совершенно неподвижно, повернув голову, вжимаясь щекой в асфальт. Он широко раскинул руки с синеющими на них прожилками. Я особенно остро прочувствовал черноту полосы асфальта, зелень моло-

дой травы, ослепительную голубизну неба. Сквозь отголоски громких раскатов выстрелов, звеневших у меня в ушах, до меня доходил шелест листвы на ветру. Тощий паренек испуганно посмотрел на распростертого полицейского, затем перевел взгляд на меня. Из ворот колледжа выезжала машина с охранниками. Она ехала гораздо медленнее, чем следовало бы. Как-никак прогремели десятки выстрелов. Быть может, охранники не могли принять решение, стоит ли им вмешиваться в то, что не относится напрямую к их обязанностям. Быть может, они просто перепугались до смерти. Сквозь лобовое стекло я разглядел их бледные лица. Машина свернула в нашу сторону. Поползла со скоростью миль пятнадцать в час прямо на меня. Я взглянул на золотой полицейский значок, сверкающий на асфальте, — за долгие годы металл был отполирован до блеска. Взглянул на свой фургон, не двигаясь с места. Еще давным-давно я накрепко усвоил, что убить человека совсем не трудно. А вот вернуть к жизни абсолютно невозможно.

Машина с охранниками медленно катилась ко мне. Я слышал шелест покрышек по асфальту. Это был единственный звук, нарушавший полную тишину. Время возобновило свой ход, и мой внутренний голос закричал: «Давай, давай, давай!» Повинуясь ему, я вскочил в кабину своего фургона, бросил револьвер на среднее сиденье, завел двигатель и сделал такой крутой разворот, что машина поднялась на два колеса. Тощего паренька швырнуло в сторону. Выкрутив руль, я надавил на газ и понесся на юг. Вид в зеркало заднего обзора был ограниченным, и все же я разглядел, что охранники из колледжа зажгли мигалки и помчались следом. Мальчишка не проронил ни звука. Его рот был приоткрыт. Похоже, все его внимание было сосредоточено

только на том, чтобы удержаться на сиденье. А все мое внимание было сосредоточено на том, чтобы ехать как можно быстрее. К счастью, шоссе было почти пустынным. В такой ранний час городок Новой Англии еще не проснулся. Разогнав фургон до семидесяти миль в час, я стиснул рулевое колесо с такой силой, что побелели костяшки пальцев, и уставился на дорогу перед собой, как будто не хотел видеть то, что происходит у меня за спиной.

— Насколько они отстали? — спросил я паренька.

Он молчал. Не пришедший в себя от шока мальчишка забился в угол, словно стараясь как можно больше отдалиться от меня. Уставившись в потолок, он вцепился правой рукой в дверь. Бледная кожа, длинные пальцы.

— Насколько они далеко? — повторил я.

Двигатель ревел на пределе.

— Вы убили полицейского, — наконец сказал мальчишка. — Ведь тот пожилой мужчина был полицейским, вы знаете?

— Знаю.

— Вы его убили.

— Случайно, — сказал я. — Насколько они отстали?

— Он показывал свой значок.

— Насколько они отстали?

Зашевелившись, паренек обернулся и отвел голову, чтобы заглянуть в крошечное зеркало заднего вида.

— Футов на сто, — сказал он. В его голосе прозвучал неприкрытый страх. — Они совсем близко. Один из них высунулся из окна с пистолетом.

Тотчас послышался отдаленный хлопок выстрела, перекрывший рев двигателя и визг покрышек. Я взял с соседнего сиденья кольт. И тут же отбросил его. Револьвер был разряжен. Я уже сделал шесть выстрелов.

Один в радиатор, два в колеса, два в плохих парней.
И один в полицейского.

— Бардачок, — приказал я.

— Вы должны остановиться, — сказал парнишка. —
И все объяснить. Вы помогали мне. Произошла трагическая ошибка.

Он смотрел не на меня, а в заднее окно.

— Я убил фараона, — сказал я, пытаясь говорить как можно спокойнее. — Это все, что им известно. Это все, что они хотят знать. Им наплевать, как и почему это случилось.

Мальчишка промолчал.

— Бардачок, — повторил я.

Он дрожащей рукой открыл ящичек. Там лежала еще одна «анаконда». Абсолютно такая же. Сверкающая нержавеющей сталь, полностью снаряженный барабан. Я взял револьвер у мальчишки. До конца опустил стекло в своей двери. В кабину ураганом ворвался холодный воздух, донесший звуки выстрелов позади, размеренных и частых.

— Проклятье, — выругался я.

Мальчишка молчал. Выстрелы продолжались, громкие и настойчивые. Как можно мазать с такого расстояния?

— Ложись на пол, — велел я мальчишке.

Сам я сдвинулся в сторону, упершись левым плечом в дверь, и вытянул правую руку так, чтобы высунуть новый револьвер в окно и направить его назад. Сделал один выстрел. В ужасе посмотрев на меня, мальчишка сполз на пол между сиденьем и приборной панелью и обхватил голову руками. Через мгновение в десяти футах за ним взорвалось заднее стекло.

— Проклятье, — снова выругался я.

Свернул ближе к обочине, чтобы изменить угол обстрела. Выстрелил еще раз.

— Мне нужно, чтобы ты следил за ними, — сказал я. — Держись как можно ниже.

Мальчишка не двинулся с места.

— Поднимайся! — рявкнул я. — Живо! Мне нужно, чтобы ты следил за ними.

Чуть приподнявшись, мальчишка обернулся назад. Его взгляд задержался на разбитом заднем стекле. Он понял, что его голова находилась как раз напротив того места, куда попала пуля.

— Сейчас я чуть сбавлю скорость, — сказал я. — Прижмусь к обочине, чтобы они меня обогнали.

— Не надо, — взмолился паренек. — У вас еще есть надежда все объяснить.

Я пропустил его слова мимо ушей. Сбросил скорость где-то до пятидесяти и вильнул вправо, и машина с охранниками, непроизвольно дернувшись влево, поравнялась с нами. Я выпустил в нее три оставшиеся пули. Лобовое стекло разлетелось вдребезги. Машину занесло и развернуло поперек дороги — я попал или в водителя, или в колесо. Пробив капотом полоску кустов, она скатилась с обочины и скрылась из виду. Бросив разряженный револьвер на сиденье рядом с собой, я поднял стекло и снова нажал на газ. Паренек молчал, уставившись назад. В разбитое стекло с жутким воем засасывало воздух.

— Вот и отлично, — сказал я, пытаясь отдышаться. — Теперь можем ехать спокойно.

Мальчишка повернулся ко мне лицом.

— Вы сошли с ума?

— Ты знаешь, что бывает с теми, кто убивает полицейских? — ответил я вопросом на вопрос.